

Это был уже четвёртый человек, на которого наткнулись Фэй Юньшэн и Чжан Юн, и везде они наткнулись на стену молчания. О чем они только не пытались заговорить: от общих тем до предложений помочь с развитием деревни, превращением её в туристическую зону и строительством дорог — Фэй Юньшэн рассыпался в обещаниях одно краше другого, но местные словно воды в рот набрали. Их рты были запечатаны крепче, чем двери в полночь.

— Чем сильнее они молчат, тем очевиднее, что им есть что скрывать.

Чжан Юн вжал голову в плечи:

— Жуткие они какие-то. Аж мороз по коже.

Фэй Юньшэн не сдавался. Впереди виднелась ветхая глинобитная хижина, окруженная покосившимся деревянным забором. В темном проёме двери сидела старуха, чье лицо напоминало высохшую, изрезанную глубокими складками кору дерева. Она отрешенно смотрела в небо.

Она старая, она должна что-то знать.

Фэй Юньшэн достал блокнот и ручку — старая привычка из времён работы учителем.

— Бабушка, здравствуйте. Мы с друзьями пошли в горы и заблудились. Скажите, за последние пару дней в деревне не появлялся незнакомый мужчина?

Си Вэньгуй — судя по имени, это определенно был мужчина.

Старуха взглянула на него, но промолчала. Её мутные глаза не теряли фокуса. Прошло немало времени, прежде чем она хрипло выдавила:

— Не видела.

Фэй Юньшэн испытал разочарование, но не забыл о главной цели — разузнать о прошлом деревни:

— Бабушка, на самом деле мы киношники. Хотим снять фильм ужасов про деревню, вот и бродим по лесам, собираем материал. Вы прожили здесь столько лет... не видели ли вы здесь призраков или чего-нибудь странного?

Иссохшие губы старухи зашевелились, а затем она внезапно растянула рот в жуткой улыбке и что-то пробормотала на местном диалекте.

Фэй Юньшэн не понял ни слова, но стоящий рядом Чжан Юн вздрогнул.

— Она сказала... — прошептал старик. — «Никто не покинет деревню Лицзя живым... и самые странные здесь — это вы, чужаки».

— ...Ты понимаешь её? — удивился Фэй Юньшэн.

— Мои предки тоже из деревни, диалекты везде плюс-минус похожи, — Чжан Юн отвел взгляд.

Фэй Юньшэн нахмурился. Он не знал, имела ли старуха в виду их группу или те бесчисленные партии пассажиров, что могли прибывать сюда до них.

От одного опытного игрока, собравшего множество билетов, он слышал, что некоторые станции — одноразовые: они закрываются после одной группы. Но другие используются циклично. Преступлений в мире совершается куда больше, чем известно людям, и в повторении зла нет ничего удивительного.

Фэй Юньшэн хотел спросить что-то еще, но в конце переулка послышался шум и истошный плач:

— О-о-о-о...

— Ли Кунь умер! — закричал кто-то из жителей на диалекте. Громко, будто объявлял о чем-то чрезвычайно важном: — Ли Кунь умер!!

Старуха у хижины даже не повернула головы. Она всё так же смотрела в серое небо.

— Давно я не видела солнца... — вздохнула она на ломаном официальном языке.

Фэй Юньшэн с сомнением посмотрел вверх.

Старуха напоминала высохшее соломенное пугало; в её оцепенении чувствовалось нечто механическое и пугающее:

— Все умрут. Все должны умереть.

Фэй Юньшэн заметил, что она сказала именно «должны».

Раскапывание могилы оказалось тяжелым трудом. К счастью, Ли Дэпэна похоронили недавно, и земля еще не успела спрессоваться.

Вэнь Чжо и Чжао Сяовэй не знали, зачем нужны те десять очков, что начислила система, но сам факт их появления подтверждал: они копают в верном направлении.

Спустя два часа работы оба были мокрыми от пота.

— Спасибо, — даже благодарность Вэнь Чжо прозвучала бесстрастно. — В деревнях покойников обычно хоронят на третий или седьмой день. В такую жару у мух было достаточно времени, чтобы отложить яйца. Сейчас гроб может быть полон личинок — советую отойти

подальше.

— ... — Чжао Сяовэй почувствовала подступившую тошноту. — Ты собираешься его вскрывать?

— Нет. Тело пролежало слишком долго без охлаждения. Вскрытие сейчас бесполезно.

Через десять минут показалась крышка гроба — самая обычная, деревянная.

Если бы Чжао Сяовэй стояла прямо перед Вэнь Чжо, она бы заметила, как в тот миг, когда крышка поддалась, в его глазах промелькнула тень странного ожидания.

С глухим стуком гроб открылся, явив тело миру. Зловоние ударило в нос, заставляя желудок сжаться.

Вэнь Чжо лишь прикрыл нос и рот рукой. На его лбу выступили бисеринки пота.

За столько лет он привык к этому чувству — каждый раз, видя останки, его сердце на миг замирало. До того как лицо покойного обнажалось, он невольно думал: «А вдруг это он? Тот, кто исчез десять лет назад в огне?»

Десять лет назад он был лишь нелюдимым, мрачным подростком. Все считали его сумасшедшим, и никто не удосужился взять образцы ДНК в его доме. Тем более что огонь уничтожил почти все следы.

Со временем Вэнь Чжо и сам начал сомневаться: а не сошел ли он тогда с ума на самом деле?

Может быть, те ужасные события породили в нем вторую личность? Может, никто не исчезал, а пожар просто «убил» его второе «я»?

Чжао Сяовэй с недоумением смотрела на могилу. Вэнь Чжо стоял в яме спиной к ней и долго не шевелился. В его силуэте сквозило какое-то ледяное одиночество.

У всех судмедэкспертов такой странный характер?

Наконец Вэнь Чжо наклонился над гробом, что-то достал и бросил Чжао Сяовэй:

— Билет.

Её телефон пискнул. У Вэнь Чжо — тишина.

Чжао Сяовэй прочитала сообщение:

— Говорит, что я вторая, кто нашел билет. Награда: 30 очков.

Вторая. Это было неожиданно — инстанс только начался, шел лишь первый день.

Но глядя на билет, по которому ползало нечто склизкое, Чжао Сяовэй на миг подумала, что остаться в Лицзя навсегда — не такая уж плохая идея.

— У первого развилки, мимо которой мы проходили, слышен шум воды. Там можно отмыться.

— Спасибо, — искренне поблагодарила девушка. Если бы не Вэнь Чжо, она бы до последнего тянула с эксгумацией.

Труп Ли Дэпэна сильно разложился. Вэнь Чжо не собирался прикасаться к нему руками — он использовал ветку, чтобы осторожно отодвинуть остатки плоти у глазниц.

Одного беглого осмотра хватило, чтобы понять причину смерти.

— Помоги закрыть гроб.

Вэнь Чжо, ведомый остатками профессиональной этики, помог ей вернуть крышку на место и забросать яму землей.

— Как он умер? — спросила Чжао Сяовэй, вытирая пот со лба.

— На теле нет других травм, кроме головы. Глазница была раздроблена ударом о тупой предмет или самим предметом. — Вэнь Чжо сделал легкий жест пальцами в воздухе. — Но смертельным ранением стал прокол виска чем-то острым.

— Значит, его убили... — Чжао Сяовэй ожидала чего-то более мистического. — Нужно раскапывать другие могилы?

— Нет. — Вэнь Чжо старался держать руки как можно дальше от тела. Билет Чжао Сяовэй лежал прямо в руках трупа, и контакт с кожей покойного вызвал у него острое чувство брезгливости.

Девушка заметила: за всю ночь SAN Вэнь Чжо упал всего на два пункта, а за последние несколько минут — сразу на четыре.

Она впервые видела его лицо таким... живым.

— Я твой должник, — серьезно сказала она. — Не знаю, смогу ли я быть полезной, но если что-то понадобится — только скажи.

— Не нужно.

Чжао Сяовэй не обиделась на его холодность. Решила просто помочь делом, когда представится случай.

Спустя полчаса они вернулись к первой развилке и, пройдя по узкой тропке, вышли к реке. Вода в ней казалась неглубокой, но течение было быстрым.

Вэнь Чжо опустился на колени у берега. В воде отразилось его бледное лицо и алая родинка под глазом, горевшая как капля крови.

Капли воды с его рук падали на поверхность, пуская круги. Четкое отражение Вэнь Чжо исчезло, сменившись другим — размытым, но до боли знакомым лицом.

Он невольно протянул руку, чтобы коснуться его, но стоило пальцам коснуться воды, как лицо исказилось ломаными линиями и окончательно растворилось.

Десять лет. Без фото, без портретов, без видео. Этого времени хватило, чтобы черты лица в памяти стерлись. Единственное, что он помнил отчетливо — черные глаза, которые на свету отливали ледяной синевой.

Один взгляд в них заставлял сердце склоняться в благоговейной молитве.

Но за десять лет одержимости эта вера изменила свой вкус, превратившись в неистовое, безумное вожделение.

Если его затянули в эту игру именно за это...

Вэнь Чжо признавал вину. Но он никогда в ней не раскается.

Он медленно встал, сжав кулаки.

Чжао Сяовэй не заметила его состояния. Она молча разглядывала свой чистый билет:

□Пассажир: Чжао Сяовэй□

□Следующая станция: Дуцзян□

□Время посадки: 22 августа, 00:00□

Этот инстанс заканчивается девятого числа. Значит, если она выживет, у неё будет одиннадцать дней отдыха до следующего поезда.

Но где она проведет эти дни? В том жутком составе? Без еды и воды?..

Она не знала, когда закончится этот путь. И закончится ли он вообще.

Раздумья были бесполезны. Чжао Сяовэй проверила билет: пометки «Вина» на нем не было. Значит, Виновным на следующей станции будет кто-то другой.

Она облегченно вздохнула и присела на берегу рядом с Вэнь Чжо. Понимая, что он молча дает ей время восстановить силы, она просидела так минут десять, а затем поднялась:

— Кажется, ниже по течению кто-то стирает белье. Пойдем глянем?

Вдали на воде виднелся чей-то силуэт.

— Идем.

Они пошли вдоль берега. На мостках для стирки действительно сидела женщина. Совсем молодая, она механически колотила белье вальком, полоскала его в воде и снова принималась за удары.

Женщине проще заговорить с женщиной, поэтому Чжао Сяовэй сделала шаг вперед:

— Здравствуйте. Вы из деревни Лицзя?

Женщина сначала не реагировала. Лишь когда Чжао Сяовэй повторила вопрос, она подняла пустые, остекленевшие глаза и медленно кивнула.

— Понимаете, мы тут в походе, и наша подруга потерялась. Хотели спросить, не видели ли вы её? Худенькая девушка, короткие волосы, кожа очень бледная...

Женщина молчала, впившись в неё своим сосущим, мертвенным взглядом.

Чжао Сяовэй подавила желание отступить:

— Так вы видели её?

Вэнь Чжо внезапно почувствовал опасность:

— Назад!

Едва он выкрикнул первое слово, как женщина, сидевшая на корточках, резко вскочила и бросилась на Чжао Сяовэй. Она повалила её на мостки, оседлала и мертвой хваткой вцепилась в горло. Из её груди вырвался хриплый, звериный рык.

— От... отпусти... кха!.. — Чжао Сяовэй лежала на спине, её голова и ноги свешивались над самой водой. Удушье накрыло её черной волной.

Она пыталась оторвать руки женщины от своей шеи, но сила нападавшей была невероятной. Лицо девушки побагровело, легкие горели.

— У-у... уходи! — Женщина сдавливала горло с такой силой, что из её собственного горла вылетали лишь обрывки слов. — Призрак! Уходи!

— Я не...

— Буль-буль...

Чжао Сяовэй не успела договорить — женщина окунула её голову в воду. Холодная речная вода хлынула в уши и нос. Девушка инстинктивно зажмурилась, чувствуя, как сознание начинает угасать.

В этот миг перед глазами промелькнул последний кадр из прошлого: тот день, когда её руки были по локоть в крови.

Она думала, что её совесть чиста.

Она думала, что никогда не наденет на себя оковы вины за содеянное.

Но сейчас она видела только то, как раз за разом наносит удары ножом, вонзая лезвие в плоть со всей силы... Она знала: в тот миг, когда она взяла нож, она превратилась в то самое чудовище, которое ненавидела больше всего.

Но она не жалела об этом.

То чувство дикого восторга и облегчения до сих пор отзывалось дрожью в её теле.

Если это — цена за её место в поезде №044, если она должна искупить вину за тот день... Она бы хотела вернуться назад и нанести еще больше ударов.

Даже если ценой искупления будет вечная тьма.

Плеск!!

Чжао Сяовэй полностью ушла под воду. Сквозь толщу реки она краем глаза увидела, как Вэнь Чжо прыгает вслед за ней.

Она отстраненно подумала: «Значит, не всегда... бывает так, что тебя некому спасти».

Удушье под водой было не таким болезненным, как она представляла, но оно принесло с собой отчаяние. Умереть на чужбине — не самое страшное. Страшно умереть в таком месте, где тебя никто и никогда не найдет.

Теплые руки подхватили её под мышки и вытянули на поверхность. Только тогда она смогла выкашлять воду, забившую горло.

Чжао Сяовэй было некомфортно от прикосновений мужчины, но в то же время в голове мелькнула дурацкая мысль: «Значит, руки у судмедэкспертов всё-таки теплые».

— Кха... кха-кха!..

Оказалось, Вэнь Чжо испытывал еще больший дискомфорт. Спасши её, он сразу уставился на свои руки с таким выражением лица, будто готов был тереть их мылом целый час.

Заметив взгляд девушки, он холодно пояснил:

— Я не люблю касаться живых существ с их температурой тела.

— ... — "Ясно. Истинный патологоанатом".

А женщина, только что пытавшаяся убить Чжао Сяовэй, теперь замерла как безжизненная кукла. Она безучастно смотрела на согнувшуюся в приступе кашля девушку.

Спустя мгновение она отвела взгляд, посмотрела на перевернутый таз для стирки и на одежду, медленно уплывающую вниз по течению.

<http://bllate.org/book/17594/1635262>